

## К а з а к и.

Казаки входили въ составъ населенія Руси на всемъ ея пространствѣ. На сѣверѣ они являлись бродячими хлѣбопашцами или ремесленниками, а на югѣ, гдѣ не прекращались военныя дѣйствія, они, большею частью, составляли воинствующій классъ. Но, обычно, подъ именемъ казаковъ разумѣлись всѣ бродяги—здѣсь землепашцы, тамъ ратники, иногда мирные работники, подчасъ разбойники. Самое это слово татарскаго происхожденія и раньше означало крестьянина, не имѣвшаго ни связи съ землею, ни семьи; затѣмъ оно стало относиться, главнымъ образомъ, къ воину, завербованному изъ подобныхъ бродягъ. Въ поискахъ за счастьемъ эти вѣчно непокорные люди шли, куда глаза глядятъ: одни бѣжали въ привольныя степи и тамъ основывали военныя общины; другіе оставались на родинѣ и собирались въ шайки, обычнымъ занятіемъ которыхъ являлся грабежъ. Этыхъ послѣднихъ называли въ официальныхъ грамотахъ воровскими казаками.

Благодаря географическому и этнографическому характеру Руси, съ ея неопредѣленными границами и отсутствіемъ исторически обособившихся областей, этотъ подвижный элементъ, который формально зависѣлъ отъ государства, но на самомъ дѣлѣ пользовался почти

полной свободой, явился авангардом колонизаторскаго движенія. Такъ, во время княженія Василія, рязанскіе казаки отыскали путь къ Дону; при его преемникѣ они уже основались на обоихъ берегахъ этой рѣки и скоро стали опасными сосѣдями Крымскихъ и Азовскихъ, а также и Ногайскихъ татаръ. Сначала Сѣверная Украина пополняла ихъ ряды смѣльчаками, храбрость которыхъ вошла въ пословицу; потомъ со всѣхъ сторонъ къ нимъ потянулись новые товарищи: и городскіе, и сельскіе казаки, совершившіе что-либо противозаконное, искали спасенія въ этомъ всеобщемъ убѣжищѣ. Этотъ притонъ не преминулъ причинить и Ивану извѣстныя затрудненія: когда татары жаловались на постоянные набѣги казаковъ, Грозный оправдывался своимъ безсиліемъ: ему-де не одолѣть всѣхъ «разбойниковъ». Но между двумя набѣгами на Орду, «разбойники» бросались на Волгу, гдѣ на своихъ быстрыхъ «чайкахъ» преслѣдовали русскихъ гостей. Тогда являлись царскіе отряды и устраивались настоящіе походы.

Все же, въ 1579 г. государь разрѣшилъ Строгановымъ взять себѣ на службу шайку этихъ разбойниковъ, въ числѣ 640 человекъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Кольцо, только что былъ приговоренъ къ смертной казни; да и у другого, вѣроятно, совѣсть была не совсѣмъ чиста, и имѣлись кое-какіе грѣхи; его звали Ермакъ Тимосеевичъ.

Происхожденіе этого, столь популярнаго имени еще не выяснено: одни видятъ въ немъ испорченное имя Ермолая или Германа, другіе— прозвище, полученное героемъ легенды въ то время, когда онъ несъ на себѣ скромныя обязанности кашевара въ станицѣ: на Волгѣ *ермакомъ* называютъ ручную мельницу. Но Никитскому удалось найти это имя, въ сокращеніи Ермашко, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, гдѣ оно встрѣчается, повидимому, нерѣдко.

1-го сент. 1581 г. маленькое войско двинулось въ путь; къ нему былъ присоединенъ отрядъ изъ строгановскихъ крѣпостей, гдѣ были и русскіе, и литовцы, и татары, и нѣмцы; такимъ образомъ, численность его достигала 840 человекъ; имъ предводительствовалъ Ермакъ. Войску предстояло перейти черезъ Уралъ, по слѣдамъ двадцати другихъ экспедицій, на равлявшихся по этому же пути, и напасть на Кучума въ его гнѣздѣ. Въ тотъ же день шайка дикихъ наѣздниковъ, подъ предводительствомъ татарскаго князя Пелыма, напала на Пермскую землю. Напуганный воевода просилъ у Строгановыхъ

подкрѣпленія, но они отказали, ссылаясь на недостатокъ въ войскѣ по уходѣ Ермака. Воевода пожаловался въ Москву, и тамъ такъ мало были расположены видѣть въ этомъ новомъ зауральскомъ походѣ что-либо серьезное или исключительное, что Иванъ обозвалъ Строгановыхъ измѣнниками и послалъ въ Пермь приказъ вернуть какъ можно скорѣе Ермака съ товарищами. Но приказа этого исполнить было нельзя: Ермакъ былъ уже далеко.

---